

будут объединять народ России. Их жизнь, подвиг — пример для подражания, исповедания веры даже до смерти. Без возвращения к истинным ценностям, идеалом которых является святость, наше общество останется обреченным. Если мы хотим, чтобы наш народ, наша страна обрели достойное будущее, то достигнуть этого сможем в следовании той Истине, верность которой явили наши святые, ближайшие из которых к нам — новомученики и исповедники Российские¹.

Мелютина Марина Николаевна

Эпическое наследие Кенозерья: родословная сказительской династии Сивцевых (Поромских).

Одним из наиболее молодых понятий гуманитарных наук является нематериальное культурное наследие. Целостность этого понятия включает артефакты, носителей традиции и среду их обитания. Фольклорная модель нематериального наследия (собираемые песни, сказки, частушки, загадки и др.) не актуальна сегодня, если исследователями не изучается местность проживания исполнителей фольклора, история их деревень, хозяйственный уклад и родословия.

Известно, что в Олонецкой губернии в XIX веке учеными был открыт крестьянский мир, сохранивший яркое эпическое наследие. Центром сказительского мастерства северо-восточных районов губернии стало Кенозеро. Первые сведения о крестьянах-сказителях опубликовал П.Н. Рыбников (1831–1885). Именно он явил выдающегося кенозерского певца Ивана Павловича Сивцева (1806–1899), назвав его «паромским стариком» (место проживания сказителя – деревня Поромский остров). А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) значительно расширил географию поисков мастеров эпоса и сопроводил публикацию издания «Онежские былины» краткими биографическими справками о них². Для братьев Б.М. Соколова (1889–1930) и Ю.М. Соколова (1889–1941) изучение эпической традиции мыслилось только в органичном единении со знаниями о мастерах эпоса. Книга «Онежские былины» братьев Ю.М. и Ю.М. Соколовых содержит яркие характеристики носителей фольклорной традиции³. Например, о Калитине Иване Матвеевиче, сказителе из деревни Суетин остров собиратели записали следующее: «Былины очень любит и относится к ним с каким-то особым благоговейным чувством. Он поет их, даже когда его никто не слушает, как говорят его домашние, «лежит себе на постели и поет»⁴. Во второй половине XX века экспедиции Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и других научных центров фиксировали не только биографические сведения, но и хозяйственный уклад, социально-экономическую ситуацию деревни, а также отношение жителей Кенозерья к участникам экспедиций. В дневниковых записях Ю.И. Смирнова, одного из организаторов собирательской работы МГУ записано: «Ласковая, добрая старушка (Шпагина Ф.С.), звала меня сугревушкой, дитятком, красным солнышком, Юрушкой»⁵.

Былинное богатство Кенозерья – это выдающийся вклад в эпическое наследие России. Только здесь в полном варианте записаны былины «Молодость Чурилы

¹ Александр Мазырин, свящ. Подвиг новомучеников и исповедников Российских как основа единства Церкви и народного единства / <http://www.patriarchia.ru/db/text/2257926.html>

² Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1900. 2-е изд. Т. 3. 137–138.

³ Онежские былины / Гос. лит. музей; подбор былин и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова. М., 1948. (Летописи; кн. 13).

⁴ Бахтина В.А. Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. М., 2011. С. 358–359.

⁵ Фольклорный архив МГУ. 1958. Папка № 3. Запись Ю.И. Смирнова. Тетрадь № 38 (335).

Пленковича», древнейшие исторические песни «Авдотья Рязаночка» и «Щелкан Дуденьевич», баллада «Князь Михайла и рябинка». Эти произведения вошли в хрестоматии и изданы большими тиражами в XX веке. Репертуар кенозер дополняют редкие в бытовании скороморошья старины и другие произведения народного творчества. Особенностью эпической традиции является приверженность сказителей к былинным сюжетам, которые связаны с темой семейных отношений или человеческих переживаний. Из былин-новелл наиболее любимы «Дюк Степанович», «Чурила и Катерина», «Добрыня и Алеша», «Добрыня и змей» и другие.

В устном эпосе раскрыта глубокая народная философия жизни, в нем воспеты представления человека о любви к родной земле, о доблести, верности, крепости духа. Здесь передано все богатство человеческих чувств: печаль и радость, любовь и дружба, верность, мечты о счастье, широта и удаля. В былинах, по мнению П.Н. Рыбникова, народ передает свое представление о русской истории и идеалах, созданных народным сознанием. Эпические представления, по словам А.Ф. Гильфердинга, были для крестьян подлинным знанием о прошлом, незаметно для них самих сливающимся с твердой верой в действительное существование богатырей и иных былинных персонажей, а также эпических событий. Все, о чем поется в эпических произведениях, с точки зрения народа достоверно, а потому в народе былины, исторические песни, духовные стихи называли «старины». Образы русских богатырей, сражающихся с несметными полчищами татар, защищая русские земли – воплощение лучших качеств народа, его готовности защищать свою землю, честь и достоинство человека.

В содержательном и языковом плане основу текстов былин составляют общерусские элементы. Однако в поэтических строках существует «отпечаток местности» отражающий менталитет местных жителей, особенности их быта, северно-русской природы. В них содержатся шуточные характеристики городов, церковных приходов и их жителей. Былина «Василий Игнатьевич», записанная П.Н. Рыбниковым, завершается строками:

Щелье–камень в Северной стороне;
Широкие подолы Олонецкие;
Дубяные сарафаны по Онеге по реке;
Обо... подолы по Моше по реке;
Рипсоватые подолы Почезерочки;
Рядные сарафаны Кенозерочки;
Печеглазыя молодки Слобожаночки;
Толстобрюхия молодки Лексимозерочки;
Малюшальский поп до солдат добр¹...

Причинами сохранности древних фольклорных традиций в Кенозерье А.Ф. Гильфердинг считал свободу и глушь². Под свободой ученым понималось отсутствие крепостного права, а под глушью – удаленность от промышленных центров. Эти факторы в сочетании с природным ландшафтом, важным в формировании мировоззрения русского человека, позволили ученым говорить об эпическом сознании, пронизывающем все сферы духовной деятельности, к которым относятся богатейшая сказочная традиция, календарные праздники и обряды, свадебный и похоронный обряды, традиции песенной лирики, обычаи и обряды, сопровождающие промысловую и хозяйственную деятельность, основанную на народном календаре.

¹ Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / предисл. ред.; под ред. А.Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1910. Т. 2. С. 601.

² Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1894. Т. 1. С. 7.

П.Н. Рыбников указал на значение семейно-родственных отношений в передаче эпических знаний. В представлении крестьян семья не ограничивалась только людьми, живущими под одной крышей и ведущими общее хозяйство. В деревне понятие родни было значительно шире: татушки (отцы), матушки, дядюшки, дедины (жены дядей), тетушки, сестреницы (двоюродные сестры, крестовые брателки и сеструшки, снохи, тесты, золовки, кумы (крестный отец и мать) и другое. По народным понятиям ближайшими родственниками считались крестные и их дети. В деревне существовали разные формы встречи крестьян: праздники, зимние беседы стариков во время досуга, когда собирались старцы, дети, исполнялись былины, былички, бывальщины, баллады и сказки. Сохранению былин способствовали артельные промыслы, в первую очередь, рыболовство. В свободное время во время вынужденного простоя трудовой коллектив с интересом слушал исполнителей старин (так называли местные жители былины, духовные стихи и др. жанры эпоса). Целый ряд кенозерских эпических образцов можно отнести к разряду напевов артельной исполнительской традиции. Таких исполнителей П.Н. Рыбников относил к группе любителей, которые исполняли былины по желанию и получали свои знания от мастеров эпического искусства.

Исследователями также обозначен факт преимущественного сохранения былинной традиции в среде наиболее зажиточной части крестьянства¹. По-видимому, былины укладываются только в таких головах, которые соединяют природный ум и память с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни», – писал А.Ф. Гильфердинг².

К группе профессиональных исполнителей причисляли «калик», которые зарабатывали на жизнь своим умением, а знания получали от таких же нищих. По воспоминаниям кенозер, «Голубиную книгу» певал Птицька-Синицька (И.Ф. Заляжной из д. Горы). Сильнее в молодых годах и петаря (певца) не было. Он выпел у барина лошадь с упряжкой³.

Репертуары сказителей восходят к нескольким источникам. По мнению эпосоведа В.Ф. Миллера, Метрополией Олонецкой колонии нашего эпоса был Великий Новгород. Кенозеро длительное время являлось важным «стратегическим» объектом для новгородцев – через «Кенский волочек» торговые люди из Новгородской земли ходили с товаром в «Заволочкую» землю. В деревне Першлахта у А.Т. Артемьевой был записан редчайший вариант былины «Чудь белоглазая». Предания о чуди, чудских могилах и курганах широко бытовали и на территории Олонецкой губернии, причем большинство текстов записано в Кенозерско-Каргопольском регионе. Этот этноним широко распространен на всем Европейском Севере России, так обобщенно называли финно-угорские народы, с которыми русские столкнулись при колонизации этих мест⁴.

Не миновала Кенозеро и старообрядческая эмиграция XVII века, вызванная церковными нововведениями патриарха Никона и ревностно хранившая культуру Древней Руси. Колонии старообрядцев располагались в окрестностях Кенозера и на берегах реки Кены. Другая группа исследователей (Ю.И. Смирнов, В.В. Коргузалов) подвергает сомнению однозначность новгородской теории возникновения эпических очагов на Русском Севере. Кенозеро – одна из территорий интенсивных этнических контактов, на которой длительное время не было постоянных русских поселений. Существуют эпические напевы, не характерные для новгородских версий. Ученые высказали гипотезу о смешении «предновгородской» (словене, кривичи) и «предростово-суздальской» (кривичи,

¹ Онежские былины / Гос. лит. музей; подбор былин и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова. М., 1948. (Летописи; кн. 13).

² Гильфердинг А.Ф. Там же.

³ Бахтина В.А. Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. М., 2011. С. 357.

⁴ Подробнее анализ былины в статье: Новиков Ю.А. Местный колорит в былинах олонечских сказителей // Кижский вестник № 9 / ред. И.В. Мельников, Р.Б. Калашникова. Петрозаводск. 2004. URL: kizhi.karelia.ru.

переселенческие вятичи) культур на Русском Севере. Известно, что помимо новгородцев на Кенозеро приходили и ростово-суздальцы с Белоозера. Возможно, ряд сюжетов, например, о Святогоре, создавались в эпоху сложения праславянской этнической общности¹.

География расселения сказителей на Кенозере достаточно широка. Мастера жили практически во всех поселениях, расположенных на островах и вдоль побережья Кенозера. Выявленный нами круг сказителей позволяет говорить о бытовании «океанской» по мощности и распространенности эпической традиции. Старины исполняли семьями. Исследователями отмечен кенозерский артельный способ существования напевного эпоса². Яркая самобытность исполнительского искусства отдельных мастеров, выявление круга «учителей» и «учеников», позволили исследователям говорить о существовании «школ» былинного сказительства в Кенозерье. Прежде всего, это школа одаренного певца Ивана Павловича Сивцева (Поромского), сформировавшаяся в 1870-х годах на Поромском острове. Известно, что от Ивана Павловича эпические песни восприняли многие жители острова. Фольклористами записаны тексты у его внуков и правнуков, преемников – соседей Луки Андреевича Артемьева (1846–?), Авдотьи Тимофеевны Артемьевой (1879–1940)³, Петра Андреевича Воинова (1812–?), который жил у старика Поромского в работниках⁴. Сказительская династия Сивцевых-Поромских выделяется своей «продолжительностью» – более 200 лет!

Поромский остров – это заповедное место для собирателей фольклора. Однако, ни история деревни, ни родословная Сивцевых, одаренной сказительской семьи не становились предметом исследования до настоящего времени. Рукопись диплома Ю.И. Ковыршиной⁵, в которой автор описала по доступным печатным источникам сказительскую династию Сивцевых, стоит особняком в библиографии этой темы. В данной статье автором привлечен большой экспедиционный материал, собранный в деревнях Першлахта и Вершино, где проживают потомки этой замечательной семьи⁶.

О родоначальнике династии, Иване Павловиче Сивцеве, известно по публикации А.Ф. Гильфердинга: «по прозванию Поромской, богатый крестьянин из дер. Поромска, лежащей у впадения речки Пормы в Кенозеро родился в 1806 году»⁷. Дата смерти сказителя, которая была не ведома ученому – 1899 год. Отец И.П. Сивцева – Павел Семенович был деревенским портным и лучшим знатоком былин во всем околотке (1781–1841). Павел Семенович умер на шестом десятке лет от роду. <...>. Былины от перенял «от стариков, в Плеском погосте, что у впадении Кены в Онегу-реку. Здесь учителями старика Поромского были преимущественно два слепых «петаря» – Шерепкин и Подметкин, оба давно умершие»⁸. Поэтому А.Ф. Гильфердинг родоначальником сивцевских текстов называет его

¹ Смирнов Ю.И. Тяга земная // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сборник материалов V Международная науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. Северодвинск, 2012. С. 182–193.

² Кастров А.Ю. Кенозерские эпические напевы : материалы и комментарии // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28 : Эпические традиции : материалы и исследования. С. 358.

³ Бахтина В.А. Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. М., 2007. С. 44, 206.

⁴ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1900. Т. 3. С. 187.

⁵ Ковыршина Ю.И. Былинная традиция Кенозера. Рукопись. Петрозаводск, 2000 / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

⁶ Автор благодарит за помощь в подготовке текста статьи Сивцеву Л.И., Сивцеву Т.А. (д. Першлахта) и К.Ф. Шишкину (д. Шишкино).

⁷ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб., 1900. Т. 3. С. 137–138.

⁸ Гильфердинг А.Ф. Там же.

отца, Павла Семеновича Сивцева и связывает истоки изводов Сивцевых с районом реки Онеги¹.

В связи с историей династии Сивцевых возникает вопрос о времени основания деревни Поромский остров и о возможности рождения отца и сына Сивцевых, мастеров былевого эпоса, именно здесь. Деревня Поромский остров не встречается в документах XVII–XVIII веков, не нанесена она и на Генеральный план Пудожского уезда 1788 года. Причина кроется в том, что остров был частью огромных земель Кенской Пахомиевой пустыни, упраздненной в середине XVIII века. «На бывших же огромных монастырских землях, почти сразу, по упразднении обители, поселились крестьяне, образовав три деревнишки, именно: <...> 2) на острове Поромском, озера Кена, в 8 верстах от Пахомьева пустыни <...>. Во всех 3 деревнях теперь не более 20 дворов», – писал олонецкий краевед К.А. Докучаев-Басков². Известно, что П.Н. Рыбников в своем издании (1861 г.) И.П. Сивцева называет «паромским» стариком, что явно указывает на островное место его проживания. Судя по дате рождения Павла Семеновича Сивцева (1781 г.), его отец также мог родиться на Поромском острове. Вероятно, был период, когда деревня не фиксировалась в официальных документах, являясь выселком семьи Сивцевых. В документах 1843 года сообщается, что здесь проживали 22 человека в трех крестьянских дворах³. Эти сведения подтверждаются полевыми записями фольклорной экспедиции МГУ: «До смерти Ивана Павловича Сивцева семья не делилась. Было всего 3 дома. Через год братья начали «выделяться». У Ивана Павловича был родной брат, Логин Павлович, но у него никакой отрасли не было, он приемыша принимал, Капустина»⁴. В XIX веке деревня занесена в Список населенных мест Олонецкой губернии Каргопольского уезда. По сведениям за 1873 год деревня Поромский остров (в документе она называется Порожский малый остров) состояла из 4 домов и 29 жителей⁵. В 1905 г. население острова увеличилось: деревня состояла из 10 домов, 10 семей, 56 жителей⁶ (ил. 1).

Согласно сведениям старожилов, в деревне Поромский остров жили всего 2 семьи Сивцевых. Одна вела свою линию от Ивана Павловича Сивцева и насчитывала 36 человек. Другая происходила от Ивана Андреевича Сивцева и состояла из 18 человек. Между семьями существовал давний конфликт, закрепивший за членами каждой устойчивые прозвища. Клан И.П. Сивцева называли «воропаи», другую семью – волхоны⁷. К.Ф. Шишкина (урожденная Сивцева), праправнучка И.П. Сивцева дополняет: «Мы их звали волхоны – долги балахоны»⁸. Семейное предание поромцев гласит, что «воропаи» поселились в деревне позже «волхон». А.Ю. Кастров, записавший эту информацию, пишет о значении слова «вороп» – «налет, небег»⁹. Эти данные могут свидетельствовать о более позднем поселении семьи И.П. Сивцева на Поромском острове. Прозвище «волхоны» другая

¹ Гильфердинг А.Ф. Там же.

² Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Кенский монастырь, Пахомьева пустыня / К.А. Докучаев-Басков // Христианское чтение. 1887. № 9/10. С. 514.

³ Заручевская Е.Б. Свод памятников / Е. Заручевская, Л. Шаповалова, Т. Кольцова // Небеса и окрестности Кенозерья : расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 270.

⁴ Фольклорный архив МГУ. 1959. Кенозерский маршрут. Тетрадь 1. Информация Сивцева Алексея Николаевича. Запись Ю.И. Смирнова, Ю.А. Новикова.

⁵ Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат.комитет М-ва внутренних дел. СПб., 1879. С. 190. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml>.

⁶ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / Олонецкий Губернский Статистический Комитет; сост. И.И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1907. С. 206.

⁷ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 357.

⁸ Шишкина К.Ф. (1940 г.р.), д. Шишкино. Запись М.Н. Мелютиной, 2014 г.

⁹ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 357.

семья получила в связи с тем, что родоначальник ее Сивцев Иван Андреевич, получил прозвище Волхонов за мастерское исполнение песни «Ванька ключник и князь Волхонский»¹.

На Поромском острове проживали состоятельные крестьяне. У поромцев издавна все было свое: богатые пашни, поэтому «пронимались своим хлебом», обильный рыбный промысел, удобные поляны для сенокосения. Жители очень редко выезжали куда-нибудь и у них бывали гости нечасто. «И звону-то колокольного нигде нет», – сетовала Мария Федоровна Сивцева, жена внука И.П. Сивцева². По записи фольклористов 1950-х годов, «Поромское как-то остается в стороне: и магазина здесь нет, и радио сюда не проведено, и дороги – то все проходят мимо деревни. ...<...>...многие из них уходили на хутора, а потом, в 1930-е годы были раскулачены. Поромцы живут как-то по-особому. У них даже распорядок дня иной: ложатся зимой около шести вечера, а после полуночи часа через два уже начинают греметь посудой»³. По рассказам правнучки И.П. Сивцева Анны Федоровны Сивцевой, все члены большой семьи имели свои обязанности: «Всю жизнь секли палы. Мама (Ирина Григорьевна (1875–1953), родом из деревни Бояринова – М.М.), пришла в чужую семью на семнадцатом году. А в семье-то 32 человека! Все были заняты работой. Какая сноха воду носила, какая коров кормила»⁴. Любопытную запись, характеризующую поромчанку Марию Федоровну Сивцеву, жену внука И.П. Сивцева, оставили московские фольклористы: «к нам относилась настороженно, почти всегда ела отдельно. Как огня боялась всяких банок, таблеток. Открыли мы мясные консервы <...> она все время отставляла банку подальше, боялась к ней подойти. Тоже самое было со сгущенным молоком и апельсином, который мы ей предложили»⁵.

На Поромском находится небольшая часовня преподобного Антония Сийского, появившаяся на острове не ранее середины XIX века, т.к. в церковных перечнях Кенозерского прихода ранее она не упоминается (ил. 2, 3). Посвящение часовни не было случайным. В Пахомиево-Кенской пустыни, которой принадлежал Поромский остров, преподобный Антоний жил и принял монашеский постриг⁶. «В Поромское приезжал отец Михаил. Крестить за ним ездили. А венчаться в церковь ездили», – вспоминает хранительница часовни Сивцева Анна Ивановна (1912 – 2004)⁷. Сокровенное отношение поромцев к своей деревне «опето» в тексте старой частушки:

«Нету, нету веселее
Поромского полюшка.
По краям поля дорожка
Видна до озерушка»⁸.

В 1930-е годы, когда был образован колхоз «Красный остров», на Поромское стали переселяться «приемыши». С хутора Пормы, а туда родители их ранее переехали с Медвежьего острова, обосновались в деревне братья Татариновы Иван Николаевич и Григорий Николаевич, а также Сидорова Александра Ефимовна, живущая обособленно, с 5 внуками на руках⁹.

Пока Сивцевы жили одной семьей до конца XIX века, почти все мужчины имели богатый репертуар старин. Когда же семья стала разделяться после смерти И.П. Сивцева,

¹ Бахтина В.А. Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. М., 2011. С. 359.

² Фольклорный архив МГУ. 1959. Кенозерский маршрут. Тетрадь 1. Л. 6961. Информация Сивцевой Марии Федоровны. Запись Ю.И. Смирнова, Ю.А. Новикова.

³ Фольклорный архив МГУ. 1959. Кенозерский маршрут. Тетрадь 1. Запись Ю.И. Смирнова, Ю.А. Новикова.

⁴ Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура : очерки, материалы, исследования. Архангельск, 2005. С. 157.

⁵ Фольклорный архив МГУ. 1959. Кенозерский маршрут. Тетрадь 1. Л. 6961. Запись Ю.И. Смирнова, Ю.А. Новикова.

⁶ Заручевская Е.Б. Указ.соч.

⁷ Критский Ю.М. Указ. соч. С. 152.

⁸ Критский Ю.М. Указ. соч. С. 158.

⁹ Фольклорный архив МГУ. 1959. Кенозерский маршрут. Тетрадь 1. Л. 6963. Запись Ю.И. Смирнова, Ю.А. Новикова.

эпический цикл Ивана Павловича стал утрачиваться. Однако, поразительная эпическая память была зафиксирована у Александра Михайловича Сивцева, спевшего в 1981 году былину «Молодость Чурилы Пленковича», текст которой подобен записи его прадеда, И.П. Сивцева, родившегося на 100 лет раньше!¹.

Родословная сказительской династии Сивцевых находится пока в стадии изучения. Представители этой семьи, жившие до XVIII века, вероятнее всего происходили из деревни Сивцева. По существующей в Кенозерье традиции, фамилии первых поселенцев одноименны с названиями деревень (Спицыны в деревне Спицыно, Глущевы в деревне Глущево и т.д.). Деревня Сивцева находилась на берегу Кенозера и отмечена на Генеральном плане Пудожского уезда 1788 года. Версию о том, что первые жители пришли на остров именно из этой деревни, подтверждают старожилы Поромского острова². Мы располагаем сведениями о составе деревни на 1873 год: в ней было 4 дома и проживали 31 человек. По сравнению с рядом находившейся деревней Телицына, где было 8 домов и 55 жителей, деревня Сивцева была небольшой³. В 1905 г деревня Сивцево увеличилась и включала уже 7 домов, 8 семей, 43 жителя⁴ (ил. 4).

Как мы указали выше, отец И.П. Сивцева, Павел Семенович, и сам Иван Павлович (1806–1899), могли родиться на Поромском острове. По сохранившимся сведениям в дневниковых записях экспедиций 1927 года и 1958–1959 и 1962 годов, а также на основании полевых материалов автора статьи, у И.П. Сивцева (Поромского) было 6 детей: старший сын Николай, Василий, Тимофей, Андрей, Андрей, Надежда «бездетна». На Поромском острове было построено 5 домов для сыновей Ивана Павловича⁵. Практически все члены большой семьи пели былины. Сын Василий Иванович – «больше всех пел»! У него сложилась яркая сказительская семья. У его сына – Ивана Васильевича, дочь Иринья Васильевна вышла замуж за Глущевского Макара Петровича из деревни Глущево, известного сказителя. В их семье родилась дочь Анна Макаровна (в замужестве Артемьева) (1886–1963). Анна Макаровна – талантливая правнучка И.П. Сивцева. Эпические песни она усвоила от своего деда – Василия Ивановича Сивцева. Она вспоминала: «Раньше седее дедушко сети вязать, да пое, да вяжо»⁶. По мнению Ю.И. Смирнова, участника фольклорных экспедиций МГУ, «Анна Макаровна одна из лучших, если не самая лучшая, из числа тех, от кого мы записывали на Кенозере»⁷. С ней фольклористы МГУ встретились в экспедициях 1958, 1959, 1962 годов. «Маленькая, неприметная для чужака старушка, с удивительно чистым, словно навеки промытым лицом, в неприменном передничке, спозаранку и допоздна занятая какой-либо работой, Анна Макаровна благодушно отнеслась к нашему появлению в июле 1958 года. Неграмотность заметно крепила ее фольклорную память и вместе с тем не мешала интересоваться современными событиями. Она дружно жила с мужем Федором Константиновичем, во время записи частым слушателем и комментатором. Их небольшая избушка стояла на окраине Першлахты, близ дороги, ведущей на восток, к перевозу на реке Онеге. В 1958 году у Анны Макаровны было записано 12 стихов общим объемом более 800 строк. В 1959 году от нее записывали другие фольклорные

¹ Ковыршина Ю.И. Былинная традиция Кенозера. Рукопись. С. 24. Петрозаводск, 2000 / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». С. 24.

² Критский Ю.М. Указ. соч. С. 158; Информация от Сивцевой Т.А. (1931 г.р., д. Першлахта), запись М. Н. Мелютинной, 2010 г.

³ Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат.комитет М-ва внутренних дел. СПб., 1879. С. 190. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml>.

⁴ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / Олонецкий Губернский Статистический Комитет; сост. И.И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1907. С. 206.

⁵ Критский Ю.М. Указ. соч. С. 157.

⁶ Кенозерские сказки, предания, былички / составитель Н.М. Ведерникова. М., 2003. С. 12.

⁷ Там же.

произведения: песни, сказки, загадки и пр. В 1962 году удалось увековечить ее голос на магнитной ленте: она напела по несколько начальных стихов некоторых эпических песен¹ (ил. 5).

Внук И.П. Сивцева от сына Николая – Сивцев Алексей Николаевич (1887–?) рассуждая о людях, поющих былины говорил: «А не всякий старины пел, надо маленько знание. Другой не интересовался, а иной и не толковал (не понимал, не мог)»². В речи его жены Марии Федоровны (1889 г.р.), которая была родом из Ряпусова, по свидетельству Ю.И. Смирнова, участника экспедиции МГУ «часто мелькали поговорки, пословицы. Замечательны ее загадки: «Черная корова, золоты царева» (печь черная и угли); «За морем тешут – сюды щепья летят» (письмо). Сама она не помнит, чтобы в Ряпусово пели старины, больше ходили к староверам»³.

В 1980-е годы сотрудники Пушкинского Дома зафиксировали совместное исполнение эпических напевных форм сына И.П. Сивцева – Тимофея Ивановича с супругой Агриппиной Кузминичной⁴. Собиратели были удивлены богатством их репертуара. Их сын, внук И.П. Сивцева, Федор Тимофеевич (1874–1956) (ил. 6) былины выучил от деда. Фольклористам удалось записать замечательные былины в его исполнении «Илья Муромец и Голи Кабацкие», «Молодость Чурилы», «Чурила и Катерина». Для сказителя все имело значение: поза, артистизм, умение перевоплощаться, личные замечания, манера сказывания, сопереживание героям. Ф. Т. Сивцев, начиная петь былинку, усаживался поудобнее и говорил: «Мне сись надо нога на ногу, чтобы пить-то». Дочь певца, Вера Федоровна, вспоминала: «Батюшка рыбак был. Плел сети да все делал. Уж так не пел он, а когда вот плете, ли ске пряжу»⁵. В деревне Федора Тимофеевича знали как искусного мастера, который изготавливал валы к мельницам⁶. Федор Тимофеевич имел 3 сына и 3 дочери. Его дочь Анна Федоровна (1918–2006) также была одной из талантливейших сказительниц династии И.П. Сивцева. В деревне Шишкино проживает Клавдия Федоровна Шишкина (1940 г.р.), прекрасно поющая песни и частушки исполнительница. Она внучка Федора Тимофеевича и праправнучка Ивана Павловича Сивцевых.

Голос другого исполнителя, внука И.П. Сивцева от сына Андрея – Степана Андреевича также записала экспедиция Пушкинского Дома в 1980-е годы. У второго Андрея Ивановича, сына И.П. Сивцева, знатоками былин были сын Михаил Андреевич (1860 – 1942) и внук Александр Михайлович (1901–1983) (ил. 7). Фольклорной экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова в середине 1950-х годов у А.М. Сивцева были записаны прекрасные тексты былин и сказок, в том числе редкая былина «Молодость Чурилы Пленковича». Наталья Михайловна Ведерникова, участница фольклорных экспедиций вспоминает: «Приехав в Поромское морозным днем, я остановилась в доме Александра Михайловича и Марии Константиновны Сивцевых, где радушные хозяева отогрели меня на печи, напоили чаем, а уж после стали выспрашивать (все, как в сказке!). Александр Михайлович оказался подлинным рассказчиком, со своим репертуаром, чьи тексты специально собираются послушать. Ему всегда была нужна аудитория; их живой отклик – смех, реплики воодушевляли исполнителя, и потому, когда слушатели расходились, Александр Михайлович сникал и отказался рассказывать что-либо еще». А.М. Сивцев – участник Великой Отечественной войны, вспоминал: «На войне в окопах сказки рассказывал

¹ Кенозерские сказки, предания, былички / составитель Н.М. Ведерникова. М., 2003. С. 13.

² Фольклорный архив МГУ. 1959. Кенозерский маршрут. Тетрадь 1. Л. 6960. Запись Ю.И. Смирнова, Ю.А. Новикова.

³ Фольклорный архив МГУ. 1959. Кенозерский маршрут. Тетрадь 1. Л. 6961. Запись Ю.И. Смирнова, Ю.А. Новикова.

⁴ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 357.

⁵ Там же.

⁶ Сивцева Т.А. (1931 г.р.), д. Першлахта. Запись М.Н. Мелютиной, 2010 г.

солдатам. Бывало, бомба загудит – примолкнут, а взорвется, так опять спрашивают: «Ну, что дальше?». Порой начальники призывали сказки рассказывать»¹.

Ярким исполнителем сказок был внук от второго Андрея Ивановича – сына И.П. Сивцева, Иван Григорьевич Сивцев (1884–1957) (ил. 8). Об И.Г. Сивцеве участница фольклорных экспедиций МГУ Н.М. Ведерникова пишет: «Об Иване Григорьевиче как знатоке старин и сказок говорили еще в Першлахте, в Поромском сразу же указали на его дом. Он человек уважаемый, степенный, во время Великой Отечественной войны был председателем колхоза. Любит читать, особенно сказки, в его доме есть два или три сборника русских сказок. Иван Григорьевич производит впечатление замкнутого и молчаливого человека, но он охотно согласился и старину спеть, и сказки припомнить. Его репертуар – эпические произведения в какой-то степени отражает его характер. Поет Иван Григорьевич не глядя на слушателей – весь в пении, будто ощущая всю значимость содержания былины. То же при рассказывании сказок: сосредоточенность на сюжете, серьезность, обстоятельность. Если что забывает, вспоминает, долго роясь в памяти, но не пытается внести что-то свое»².

Преемницей сказительства И.П. Сивцева была мастер эпоса Авдотья Тимофеевна Артемьева (1879 – 1940?), проживавшая в деревне Першлахта. В 1927 году она была самым крупным сказителем былин. Экспедиция московских фольклористов братьев Ю.М. и Б.М. Соколовых записали от исполнительницы 24 эпических произведения. Среди них редкая песня об Авдотье Рязаночке³. В дневниках исследователей сохранилась следующая запись о певице: «Это наиболее талантливая, лучшая сказительница, встреченная экспедицией на Кенозере. Замечательная по памяти и образности языка сказительница. За всю свою жизнь она не с кем не сорилась, имела 5 детей, и, несмотря на уговоры мужа, не согласилась на раздел, – живут «большим домом». Разговор Авдотьи Тимофеевны очень жив, она все время говорит пословицами, поговорками, меткими изречениями»⁴. Позднее собирателям Московского государственного университета в 1950-е годы удалось узнать от племянников, которых пестовала эта старушка, что их «божатка» (крестная мать) умерла чуть ли не в столетнем возрасте перед Великой Отечественной войной.

Известным знатоком старин был родоначальник другой семьи Сивцевых – Иван Андреевич (Волхонов). Его двоюродные братья Иван и Егор также были известными в деревне сказителями. Брат Дмитрий Андреевич и сестра Степанида Андреевна славились как совместным, так и индивидуальным исполнением былины «Соломан и Василий Окулович». Степанида Андреевна пела старину во время работы, сидя за прядением пряжи, вязанием чулок или плетением рыболовной сети⁵. Сын Дмитрия Андреевича – Григорий Дмитриевич (1907 г.р.) так же перенял исполнение былин от отца и тети⁶. О Г.Д. Сивцеве говорили: «Это человек-песня. Он пел всегда, в кузнице, на косилке, не пел, если не спал. По завету родителей несколько лет жил в Соловецком монастыре»⁷ (ил. 9).

К сожалению, фольклористы не смогли записать всех талантливых исполнителей сказительской династии Сивцевых. Сегодня и деревня Поромский остров, когда-то славившаяся эпическим величием, оставлена местными жителями (ил. 10).

¹ Кенозерские сказки, предания, былички / составитель Н.М. Ведерникова. М., 2003. С. 83.

² Кенозерские сказки, предания... С. 73.

³ Смирнов Ю.И. Авдотья Рязаночка : [эпическая песня]. Северодвинск, 2009.

⁴ Онежские былины / Гос. лит. музей; подбор былин и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова. М., 1948. (Летописи; кн. 13). С. 757.

⁵ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 354.

⁶ Там же.

⁷ Сивцева Л.И. (1959 г.р.), д. Першлахта. Запись Мелютиной М.Н., 2014 г.

В последней четверти XX века Кенозеро еще было единственным северорусским «оазисом», где былина еще сохранялась как один из важнейших компонентов архаической фольклорной традиции. Заслуга в этом принадлежит сказителям, сердечно охранявшим драгоценное русское слово. Несомненно, кенозерских былин коснулся процесс забвения. Застывшая в древних эпических песнях память о славном прошлом русской земли продолжала жить в прозе, балладах, духовных стихах. «Последние звуки драгоценного эпоса» в форме сказок, быличек, песен, загадок и частушек берегут сегодня замечательные исполнительницы, живущие в кенозерских деревнях. Интерес ученых к их родословиям поможет не потерять эпическую память и исследовать важный вопрос истоков эпического наследия Кенозерья.

Есть фото + описание

Матонин Василий Николаевич

Морской историко-географический эксперимент «Чукотка – территория открытий»: наблюдения и гипотезы.

В н. XVII века, когда русская государственность находилась в состоянии кризиса и распада, Русь исподволь прирастала Сибирью за счет освоения поморами Северного Морского пути. Наш земляк, уроженец Великого Устюга, Семен Дежнев за 80 лет до Витуса Беринга прошел через пролив, разделяющий материки. Дежневские казаки в течение двух навигаций добрались из устья Лены до реки Колымы, а потом далее – до Анадырского залива.

Освоение Северного Морского пути русскими мореходами осуществлялось с использованием поморских судостроительных технологий («шитья вицей» – еловым корнем, закрепляющим набои) и судов типа «коч». На основе данных, полученных из разных источников сотрудниками Морской Арктической Комплексной Экспедиции Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Морского клуба «Полярный Одиссей» (архивы, результаты археологических работ), были созданы две лодки, которые по отдельным технологическим характеристикам близки к поморскому кочу: «Апостол Андрей» и «Святитель Николай». Форма корпуса и носа реконструированных кочей напоминает шнеки, упомянутые в документах середины XVI века, и ёлы, изображенные в рисунках XIX века. Складывающаяся мачта и перекрытие («чердак» в центре судна) в целом соответствуют кочу на гравюре из трактата XVII века голландского путешественника Николаса Витсена, рассказывающего «о судах московитов». На реконструированных лодках дюймовые сосновые доски в набоях скреплены медными заклепками, а не «вицей», как это было у оригинальных судов. Построенные на верфи «Полярная Одиссея» (в Петрозаводске) лодки в два раза (примерно) меньше исторических кочей, но в то же время соответствуют современным правилам, предъявляемым государственной инспекцией маломерных судов, приспособлены для экспедиционных задач, а также использования в туристических целях. Длина лодок – чуть больше 10 м, а ширина – 3 м. Площадь прямого паруса – 25 кв. м. Высота мачты – 8 м. Кочи оснащены дизельными двигателями Vetus мощностью 16 л.с. На борту – 8 спальных мест с надувными матрацами и спальными мешками: 4 верхних, 4 нижних. В носовой части расположен галюн, оборудованный биотуалетом. Еда готовится на газовой плите в две конфорки. Есть электричество для зарядки мобильных телефонов и аккумуляторов фотоаппаратов.